

В этот момент особенно ярко проявилось различие между творческими работниками и актёрами. Творческий персонал мог спокойно сидеть в зале вместе с обычными зрителями, наслаждаясь выступлением артистов. Тем временем главные актёры должны были оставаться на сцене, словно участники циркового представления, следовать различным игровым правилам и сценарию, чтобы развлекать публику.

Это было обусловлено разницей в обязанностях между работниками за кулисами и актёрами, а также структурой состава участников. В конце концов, если бы режиссёр Чжоу и другие сотрудники, не отличающиеся выдающейся внешностью или фигурой, участвовали в мероприятиях, требующих физической силы, демонстрации тела или привлекательной внешности, вряд ли нашлось бы много зрителей, готовых на это смотреть.

В наши дни, если какой-нибудь режиссёр обладает хотя бы половиной внешности Сун Цисиня, это уже можно считать чудом.

Наблюдая за сценой, где главные герои менялись ролями и играли друг друга, Сун Цзюнь не удержался и подсел поближе к своему сыну, чтобы вполголоса пошутить:

— Хорошо, что ты тогда сказал, что хочешь быть режиссёром. Если бы ты сказал, что хочешь стать актёром... Хм, думаю, мне пришлось бы последовать примеру твоего дяди и подавить твоего кузена.

Он вздохнул:

— Эта профессия слишком тяжела, и актёры часто подвергаются критике и несправедливым суждениям. Многие смотрят на них сквозь призму предрассудков и клеветы.

Сун Цисинь лишь улыбнулся, не отвечая. Ему и так интересен был только сам процесс создания фильмов. А учитывая его склонность к уединению, он никогда бы не стал добровольно появляться на экране.

После завершения предварительной рекламной кампании наступило время просмотра фильма. И только тогда внимание журналистов, медийных персон, удачливых зрителей и фанатов переключилось с присутствующих на большой экран.

Звуки металла и копыт, изысканность чернильной живописи. Мелодичный и печальный звук флейты, переливы струн гуцина — с первыми нотами музыки чёрный экран словно омылся чистой водой, и густая чёрная краска стала растекаться во все стороны, открывая зрителям захватывающие дух сцены.

Зрители в зале, увидев, как чёрная краска растекается по экрану, в один голос издали тихий восхищённый возглас. Затем, под аккомпанемент то ускоряющегося, то замедляющегося ритма барабанов, пипы, гуцина и флейты, которые то переплетались, то расходились, то звучали мощно, то переходили в тихий шёпот, сердца всех присутствующих были мгновенно захвачены и погружены в эпоху, полную величия и скорби.

На фоне списка актёров, выполненного в стиле чернильной живописи, и мелодичной древней музыки, отряд всадников промчался через степь и, наконец, въехал в высокие городские ворота, чтобы передать послание правителю Царства Цин.

— Посланники Царства Цзэ уже пересекли границу Лунго и вскоре достигнут его столицы...

Кадр снова сменился, и музыка из грозного марша превратилась в нежный дуэт гуцина и пипы.

Золотые листья устлали дорогу, и глазам открывались яркие, ослепительные краски. Группа людей в праздничных одеждах медленно двигалась через рощу золотых гинкго, и картина казалась настолько прекрасной, что зрители не могли сдержать восхищения.

Затем отряд всадников на чёрных конях промчался с другой стороны и остановился перед процессией. Листья гинкго падали, связывая воедино историю верной и непоколебимой любви.

Фильм длился ровно 120 минут — точно так же, как и версия, отправленная на проверку Сун Цисинем. Никаких требований о сокращении не поступило.

На протяжении всего фильма звучала мелодичная музыка, то появляясь, то исчезая. В зависимости от сюжета использовались различные инструменты, но основными были пипа, гучин и флейта.

Когда действие дошло до финальной сцены и генерал Царства Цин вошёл в разрушенный дворец Царства Цзэ, он остановился среди обгоревших руин и заметил слабое золотое сияние, прикрытое пеплом и только что выпавшим снегом. Наклонившись, он поднял золотую шпильку с почерневшим листом гинкго, и в этот момент зазвучала печальная музыка, завершая фильм.

На чёрном экране начали появляться титры с именами создателей фильма. В зале раздались аплодисменты, и свет на потолке зажёгся. Сун Цисинь оглянулся и с удовлетворением заметил, что многие зрители с чувствительной душой вытирали слёзы.

Сун Цзюнь до этого момента не видел фильм целиком и не знал, каким получился финальный монтаж. После просмотра, хотя его сердце всё ещё было наполнено лёгкой грустью от фильма, он невольно почувствовал гордость — это был первый фильм, который его сын продюсировал, редактировал и в котором сам принимал участие в съёмках!

Другие, возможно, не знали, но Сун Цзюнь был уверен, что его сын контролировал каждый этап съёмок и монтажа. Судя по отчётам сотрудников, Сун Цисинь вполне мог бы быть назван сорежиссёром наравне с режиссёром Чжоу.

Хотя, конечно, во время съёмок сын занимался меньшим объёмом работы, чем режиссёр Чжоу, так что Сун Цзюнь решил не придирается к этому.

В зале гремели аплодисменты, и многие, встав, тут же направились к режиссёру Чжоу, чтобы пожать ему руку или обнять, поздравляя с успехом фильма.

Многие известные актрисы, сидевшие в зале, принимали изысканные позы. Их покрасневшие глаза добавляли их красоте нотку трогательности.

Они плакали так красиво, обращаясь к журналистам, снимавшим их со всех сторон:

— Это было так прекрасно! Очень трогательный фильм!

Мужчины, конечно, не могли плакать, как актрисы, но большинство из них принимали глубокомысленные и тронутые выражения:

— Этот фильм передаёт всю глубину истории и трогательную любовь. Это определённо стоит увидеть на большом экране!

Сун Цисинь, услышав их комментарии, признал, что их похвалы были вполне справедливыми, но... Не могли бы они хотя бы выглядеть искренними? Это хотя бы не выглядело бы как

реклама — хотя, конечно, они были приглашены именно для того, чтобы помочь в продвижении фильма.

После премьеры рецензии на фильм «Душа Цзэ» быстро появились в интернете. Последняя волна рекламы перед официальным релизом также началась.

Актёры появлялись на различных шоу, чтобы рассказать о фильме, в новостях и социальных сетях появлялись рекламные посты, а в кинотеатрах висели афиши...

Компания Чэньси была крупной и не скупилась на расходы. Ни во время подготовки, ни в процессе съёмок, ни на этапе постпродакшна не было никакой экономии. Сун Цисинь, проверив все расходы после завершения просмотра, несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Если бы этот фильм не был снят в сотрудничестве с государством и если бы власти не поручили различным организациям его «изучить», его отец, вероятно, мог бы столкнуться с трудностями в окупаемости проекта.

Дело в том, что с учётом доли кинотеатров, налогов и других расходов крупная постановка, стоившая три миллиарда, должна была заработать как минимум в три раза больше, чтобы не оказаться в убытке. То есть фильм должен был собрать как минимум девять миллиардов. К счастью, у Чэньси была своя сеть кинотеатров, и компания сама занималась дистрибуцией, не деля прибыль с партнёрами. Но даже в этом случае, чтобы не потерять деньги, фильм должен был собрать как минимум семь-восемь миллиардов.

Семь-восемь миллиардов... В настоящее время, кроме зарубежных блокбастеров, лишь немногие отечественные фильмы достигают таких показателей.

У Хэн знал, что Сун Цисинь в последние дни переживает и беспокоится, поэтому, увидев, как он задумался накануне национального релиза, обнял его и успокоил, покачивая за плечи:

— Считаю это заданием, которое нужно выполнить, и не принимай слишком близко к сердцу. Твой первый настоящий проект — это тот, над которым ты сейчас хочешь сосредоточиться.

Сун Цисинь положил голову на плечо У Хэна:

— Я знаю, но эти рецензии... Мне очень хочется поговорить с отцом. Даже если он тратит деньги на рекламу, нельзя ли хотя бы избегать таких преувеличенных похвал? Некоторые комментарии просто...

<http://bllate.org/book/16375/1482361>